

Роль звуко-семантических соответствий в формировании имплицатур поэтического текста

О. И. Северская

The role of phonosemantic correspondences in the formation of the implicatures of a poetic text

O. I. Severskaya

Ольга Игоревна Северская – кандидат филологических наук;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва,
Российская Федерация

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Статья поступила. 15.06.2023. Принята к печати: 30.06.2023.

В статье рассматриваются характерные для поэтического текста процессы формирования имплицатур, или выводного знания, с опорой на звуко-семантические связи, которые лежат в основе паронимической аттракции, каламбура и анаграммы. Исследование проводится на материале русской поэзии XX века методами лингвистической и когнитивной поэтики, корпусного, интертекстуального и культурологического анализа. Автор исходит из того, что звуко-семантические корреляции обеспечивают адресату переход от непосредственного восприятия поэтической реальности, представленной звуковой материей языковых знаков, к ее осмыслению на поверхностном и глубинном уровнях. Вначале выделяются текстовые фрагменты, маркированные паронимической аттракцией, затем корреляции аттрактантов подвергаются семантическому анализу, на основе которого выводятся имплицатуры, связывающие «общие» и «новые» знания о языке и мире. Они классифицируются в статье по функции в интерпретации текста: противопоставлены имплицатуры актуализации (фокусировки внимания на объекте или ситуации и их признаках), семантического вывода и подтекста. Особое внимание уделяется имплицатуре паронимической аттракции, активизирующей «звуковую память» слова. Автор приходит к выводу, что в поэтическом тексте коммуникативные (выводимые логически) имплицатуры основываются на конвенциональных (обусловленных «знанием о мире» и языковыми конвенциями) и предопределяются при этом автором текста – создаваемыми им семантическими, грамматическими и прагматическими правилами структурирования высказывания. Паронимическая аттракция воспринимается как индивидуальная номинация одного и того же «нестандартного» денотата с помощью нескольких формально соотносенных слов стандартного языка, тем самым выступая как ключ к поиску «нового» в соотношении с «непосредственно данным» и «данным в контексте».

Ключевые слова: поэтический текст, паронимическая аттракция, коммуникативные имплицатуры, имплицитная информация, когнитивная поэтика

УДК 811.161.1:81'42

Olga I. Severskaya – candidate of Philological Sciences; The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID 0000-0002-6277-9756

Received: 15/06/2023. Accepted for publication: 30/06/2023.

The article deals with the processes of formation of implicatures, or inferential knowledge, characteristic of a poetic text, based on phonosemantic connections that underlie paronymic attraction, pun and anagram. The study is based on the material of Russian poetry of the 20th century using the methods of linguistic and cognitive poetics, corpus, intertextual and cultural analysis. The author proceeds from the fact that phonosemantic correlations provide the addressee with a transition from direct perception of poetic reality, represented by the sound matter of linguistic signs, to its comprehension at the surface and deep levels. First, text fragments marked with paronymic attraction are singled out, then the correlations of attractants are subjected to semantic analysis, on the basis of which implicatures are derived that link “general” and “new” world knowledge and language competence. Implicatures are classified in the article according to their function in interpreting the text. The author identifies the implications of actualization (focusing attention on an object or situation and their attributes), semantic inference and indication of the subtext. Particular attention is paid to the implicit paronymic attraction that activates the “sound memory” of the word. The author comes to the conclusion that communicative (logically derived) implicatures in a poetic text are based on conventional ones (conditioned by “world knowledge” and language conventions) and are predetermined by the author of the text – by the created by him semantic, grammatical and pragmatic rules of utterance structuring. Paronymic attraction, highlighting objects in the relevant denotative space of the poetic text, is perceived as an individual nomination of the same “non-standard” denotation with the help of several formally correlated words of the standard language, thereby giving the key to the search for “new” in relation to “immediately given” and “given in context”.

Keywords: poetic text, paronymic attraction, communicative implicatures, implicit information, cognitive poetics

OECD: 6.02.OT+6.02.UT

V

Постановка проблемы. Поэтический текст определяют как коммуникативный и дискурсивный феномен, отражающий в записи речевой акт, который И. Левенберг относит к разряду proposals [Loewenberg 1975, с. 336] – «предложений» принять особое видение мира. Успех поэтической коммуникации зависит, прежде всего, от способности автора создать, а адресата дешифровать не только поверхностные, но и глубинные смыслы, представленные иносказательно, то есть «считать» не только эксплицитную, но и имплицитную информацию. Импликатуры – выводы, которые делаются на основании текста, контекста, фоновых знаний [Грайс, 1985, с. 221], позволяют автору сформировать из потенциальных адресатов передаваемого текстом сообщения «свой круг», доверяя им выполнить операции над смыслами самостоятельно [Иссерс, 2008, с. 47], по оставленным в тексте «подсказкам».

Особую роль в этом процессе играют звуко-смысловые связи: звучание превращает языковые знаки в «сенсорно воспринимаемые» объекты текстовой поэтической реальности, данной адресату «в ощущениях», звуковые корреляции позволяют актуализировать «непосредственно наблюдаемое» и перейти к когнитивному анализу и формированию знания о поэтическом мире на основе семантических операций идентификации, атрибуции, стереотипизации [Иссерс, 2008, с. 46-49], последовательно двигаясь от поверхностно-языковой структуры к глубинно-поэтической.

Цель данной статьи – определить репертуар звуко-смысловых импликаций и выявить механизмы их формирования.

История вопроса. Концепцию, представленную в статье, можно назвать результатом обобщения и развития уже сформулированных научных представлений о художественном тексте как пространстве «игры означающих», в котором знак не связан жестко со значением, а потому может указывать и на концепт, вербализованный другими знаками [Барт, 1989, с. 240], и на ряд возникающих в тексте «спонтанных» звуко-смысловых «суггестий» («on-the-spot-suggestions», в терминологии Т. Пристли [Priestly, 2013, p. 219]), подготовленных тем не менее системными корреляциями «эвфонических этимонов» (или, в другой терминологии, квазиморфем) [Gauthier, 1973; Valesio, 1974; Григорьев, 1979; Григорьев и др., 1992], которые обеспечивают соотношение экстенционала, интенционала и импликационала стоящих за ними значений [Северская, 2022].

Особое внимание в существующих исследованиях, которые имеют богатую историю и даже историографию [Кадимов, 2014], уделяется каламбурам и паронимической аттракции (далее – ПА), которая, по С. С. Иванову, представляет собой «механизм семантизации созвучий на синтагматическом уровне и механизм “сроднения” случайных слов, подставленных в определенную модель на парадигматическом и парасинтагматическом уровнях» [Иванов, 2010, с. 6], ср.: [Северская, 2022, с. 91].

Важным моментом в истории вопроса было введение понятия имплицитной (иначе – потенциальной) ПА [Кадимов, 1989, с. 138–139], которая возникает тогда,

когда одно из эксплицитно представленных ключевых слов текста ассоциативно связывается с одним или несколькими словами, остающимися в подтексте. Имплицированная ПА задействует звуковую память слова (в понимании Б. М. Гаспарова [Гаспаров, 1996, с. 111]) – его способность вызывать в памяти близкозвучные слова, принадлежащие другим текстам, либо собирать слова из звуков данного текста, рассматривая их в интертекстуальной перспективе.

Что касается исследований механизмов передачи имплицитной информации, то все они так или иначе основываются на уже упомянутой концепции П. Грайса, который различает конвенциональные (постигаемые интуитивно и обусловленные языковыми конвенциями) и коммуникативные (выводимые логически) импликатуры [Грайс, 1985, с. 227]. Применительно к художественному тексту исследована роль контекста в неконвенциональном смыслообразовании, в котором вклад конвенциональных схем оценивается как минимальный, а особая роль отводится «смысловой самостоятельности» и «контекстной чувствительности» слов [Устинова, 2015, с. 78]; выявлены механизмы порождения новых смыслов на основе имплицитных элементов художественного дискурса, содержанием которых становится «трансцендирование за рамки имеющихся в тексте знаковых единиц, аранжировка прочитанного в соответствии с имеющимися в сознании реципиента знаниями» [Василишина, 2013, с. 40]. В целом соглашаясь с наблюдениями предшественников, попробуем доказать, что звуко-смысловые соответствия актуализируют оба отмеченных П. Грайсом вида импликаций, причем коммуникативные основываются на конвенциональных.

Методология и методика анализа. Выбрав объектом исследования поэзию XX века, будем подходить к анализу содержащих звуко-смысловые корреляции текстов, используя методологию лингвистической и когнитивной поэтики, а также интертекстуальный и культурологический подходы, при необходимости подтверждая полученные результаты корпусными микроисследованиями.

Обнаружить как актуальную, так и потенциальную ПА, помогут «Материалы к словарю паронимов русского языка» В. П. Григорьева, Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой [Григорьев и др., 1992], где представлены общезыковые многоконсонантные квазиморфемы, потенциально создающие ПА.

Выделив аттрактанты, подвергнем корреляцию контекстному семантическому анализу, а затем выведем обусловленные семантическим взаимодействием аттрактантов импликатуры.

На этом этапе будем руководствоваться принципами и основными положениями когнитивной поэтики. Она так же, как и традиционная когнитивистика, исходит из того, что импликатуры основываются «на умозаклчениях адресата речи, который на основе знаний языка и знаний мира догадывается о том, что на первый взгляд остается “за текстом” и не выражено в буквальном значении языковых форм» [Кубрякова, 2004, с. 530], но предопределяются при этом автором текста – создаваемыми им семантическими, грамматическими и прагматическими правилами структурирования высказывания [Смерчинская, 2020, с. 134]. Адресат «соприкасается с индивидуальным ментальным полем автора посредством текста и комбинирует, сжимает, расширяет извлеченную информацию», вычленяя имплицитные элементы на основе уже имеющейся в памяти информации [Василишина, 2013, с. 39]. При этом

он воспринимает текст как «особым образом организованный язык» и «репрезентацию особым образом сконфигурированного знания» и восстанавливает его концептуальное поле «на основе слияния, сближения, стяжения общих признаков концептов, репрезентируемых на поверхностном уровне текста словами и предложениями одной семантической области» [Маслова, 2010, с. 178]. А наиболее действенной авторской стратегией создания имплицатур становится маркирование единиц нового или известного знания с помощью языковых средств, активирующих их в сознании адресата [Малафеев, 2013, с. 142]. Таким образом «новое» знание выводится из «непосредственно данного» и «данного в контексте».

Анализ материала. Материалом исследования послужила авторская картотека случаев ПА в поэзии XX в., насчитывающая около 200 текстовых фрагментов, дополненная материалом Национального корпуса русского языка. Использовался также созданный Ю. Б. Орлицким в РГГУ «Словарь заглавий русских поэтических книг XVII–XX вв.», в котором обнаружилось множество паронимических каламбуров. В статье будут приведены и прокомментированы наиболее показательные примеры.

Исследованный материал подтвердил гипотезу о главенствующей роли в формировании имплицатур звуко-смысловых связей, манифестирующих переход от *ощущения* поэтической реальности к ее *осмыслению*.

«Непосредственная наблюдаемость» происходящего в поэтической реальности возникает вследствие актуализации, которая заключается в соотношении слов и выражений с реальными представлениями говорящего и с действительностью, для чего используются различные маркеры выделения и идентификации, сигнализирующие о появлении объекта восприятия и осмысления.

В этом плане ПА может быть отнесена к категории «звуковых жестов», осуществляющих экстренное введение в ситуацию: с ее помощью создается звуковой иконический образ ситуации или целостного объекта поэтической реальности. Например, в отрывке из стихотворения А. Ахматовой «Совсем не тот таинственный художник...» [Ахматова, 1990, с. 186–187] внимание адресата фокусируется на *детворе во дворе под деревом: А в глубине четвертого двора Под деревом плясала детвора* (ПА создается соотношением консонантных квазиоснов метатетического и эпентетического типов *ДВР – ДРВ – ДТВР*), и именно это становится отправной точкой соотношения событий в разных упомянутых в тексте пространствах – *Вселенной, мире природы, городе, дворе, «приделе» души*. В другом примере – из «Второй годовщины» А. Ахматовой [Ахматова, 1990, с. 229]: *Еще на всем печать лежала Великих бед, недавних гроз, – И я свой город увидала Сквозь радугу последних слез* – ПА (за счет корреляций квазиоснов с консонантным расподоблением ГРЗ – ГРД – РДГ и СЛД – СЛЗ) акцентирует внимание на двух объектах в рамках одной поэтической ситуации и соответствующих им референтных выражениях, связанных метафорически и гиперсинтаксически: *радуга над городом после грозы – след слез*. «Звуковой жест», активизируя «знание о мире», помогает адресату прояснить образ – радужные блики возникают при взгляде сквозь слезы из-под ресниц и могут «накладываться» на зрительное впечатление от реальной, «природной» радуги, а уже на этой основе – задуматься о сдвиге релевантного денотативного пространства текста в сторону «продолжения реальности». Таким образом, ПА не только играет роль актуализатора,

но и формирует импликатуру, так как указание на конкретную ситуацию становится обозначением иного объекта – слез как просветления, взгляда на мир, полного надежд (вспомним также о *радужных планах*, а также мифопоэтической параллели *радуга – радость*, относящихся к импликационалу звуко-смысловой корреляции).

Указывая на исходную референтную ситуацию и вычлняя ее компоненты, ПА, на что обращает внимание Е. Г. Лукашанец [Lukashanec, 2018, p. 185], одновременно создает индивидуальную номинацию одного и того же «нестандартного» денотата с помощью нескольких формально соотнесенных слов стандартного языка и делает возможным построение множества суждений о сопряженных состояниях языкового и поэтического мира.

Так, во фрагменте «Зимней ночи» Б. Пастернака: *На земле зима, и дым огней бессилен Распрямить дома, полегшие вповал* [Пастернак, 1990, с. 13], с помощью ПА внимание адресата фокусируется на *земле*, с которой ассоциируется *зима*, и *домах*, с которыми взаимодействует *дым* (благодаря корреляциям квазиоснов с вокалическим расподоблением ЗМ и ДМ).

На земле зима – высказывание, мало чем отличающееся от обыденного или прозаического, отражающего зафиксированный в языковой картине мира опыт: когда на *земле*, т. е. во всем мире (здесь: *земля* ‘планета Солнечной системы’, ‘суша, земная твердь’ и ‘место жизни и деятельности людей’) наступает *зима*, приходит холод (*зима* ‘самое холодное время года’), на *земле* (здесь: *земля* ‘почва’) лежит снег. С ним связаны и устойчивые ассоциации *наступления зимы с внезапностью, атакой (наступить ‘начинаться’ и ‘ведя военные действия, двигаться вперед, тесня или громя противника / подступив к чему-либо, надвигаться, занимая пространство’)*, т. е. агрессией, угрозой, или же *сумерками, темнотой, сном* (эти дескрипторы *зимы* как частотные приводятся, в частности, в «Русском семантическом словаре» [Караулов и др. 1982, с. 143]).

Вторая пара аттрактантов *дома – дым* тоже получает подкрепление «знанием о мире»: зимой холодно, обогревая *дома*, люди топят печи, и тогда из печных труб поднимается *дым*. При этом *дым* над *домами* более узнаваем, чем метафорический *дым огней*, несмотря на то, что появление в тексте последних для адресата мотивировано не только «знанием о мире» (зимой темнеет рано, и в сумерках в домах и на улицах зажигается свет), но и «языковой памятью» (как известно, и *дыма без огня не бывает*, и *дым*, а точнее *дымку* с *сумерками* связывают общие семантические компоненты в значениях соответствующих слов – нечеткость зрительных впечатлений, полутона, растворение света во мраке). Основываясь на опыте, можно построить импликатуру: *дымку* образует падающий снег, сквозь который просвечивают фонари и освещенные изнутри окна домов.

Кроме того, двум парам аттрактантов можно сопоставить оппозицию *земля* ‘горизонталь’ vs. *дым* ‘вертикаль’, а, следовательно, значимое для поэтических миров противопоставление *земли* и *небес*, дольного и горнего миров. Потенциально в поле сознания может попасть и однокоренной с *домом* аттрактант **домовина* ‘гроб’, что подкрепляется устойчивой ассоциацией *зимы* с замиранием жизни, сном природы на грани жизни и смерти (зимой можно *замерзнуть* и *вымерзнуть*), и тогда с *дымом* могут уже сравниваться устремляющиеся к небесам, сгоревшие на земле души.

Звуковой «жест» может указывать и на объект поэтической реальности сквозь призму типичного признака или действия, например, в «Это я...» Б. Ахмадулиной: *Как белеют зима и больница!*» [Ахмадулина, 1988, с. 147]. Больнице действительно свойственно быть *белой*, *белеть*, и *белизна* – это ее (зафиксированная в «знании о мире») «неотторжимая принадлежность»: в русском языке в ряду цветообозначений присутствует *больничный белый*, а поиск в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка позволяет обнаружить *белую больницу*, например, у И. Эренбурга, С. Кирсанова, А. Ладинского, *больничные белые стены* и *больничные белые койки* – у М. Зенкевича, *больничную белую тишину* – у С. Шервинского. Так же устойчива и ассоциация *белизны* с *зимой*, и этой аксиомы обыденного языкового сознания придерживаются и поэты: *не больше бел зимы снежок* у В. Хлебникова, *двадцать белых зим* найдем у Н. Клюева, *предчувствие белой зимы* – у А. Блока, *дни томлений острых прожиты. Вместе с белой зимой* А. Ахматовой, у нее же *на коленях белая зима Следит за всем с молитвенным вниманьем*, у С. Соловьева *покрыла белая зима. Однообразные равнины*, у М. Цветаевой – *года [...] молодые Станут белой зимой* и т. д. Сближение *зимы* и *больницы*, таким образом, глубоко мотивировано их общим свойством *белеть*, но гармония образов основывается и на другой, не столь очевидной ассоциации: и *зимой*, и в *больнице* замирает жизнь.

М.С. Михайлова, анализируя «больничные тексты» Б. Ахмадулиной, упоминает устойчивую ассоциацию *белизны* и *больницы*, а также повторяющийся мотив «белой» (не только светлой, но и бессонной) *ночи в больничном окне*, связывая белое «с бессмертием, с возможностью воскресения через творчество» и отмечая, что «природа поэта, отличная от обычной, человеческой, проявляется в отношении *боли* (курсив – мой, О. С.) и страдания» [Михайлова, 2004, с. 61]. В приведенной выше цитате ПА, связывая корни (с помощью расподобляемой вокалически квазиморфемы БЛ), как раз и являет интерпретатору в прямом и переносном смыслах *белеющую боль*.

И эта ассоциация, как показывает Национальный корпус русского языка, опять же оказывается устойчивой и укорененной в языковом сознании и в литературе. В прозе у А. Куприна встречаются *брызнувшие из глаз вместе с тупой болью белые яркие молнии*; у С. Сергеева-Ценского – *страшные от боли белые глаза*; у Г. Бакланова – *закушенные от боли белые губы*; у В. Каверина – *искаженное от боли белое лицо*; у З. Гиппиус – *больной, белый, как бумага*; у П. Боборыкина – *больная, белая, как молоком налитая*. В поэзии: *В палатах буднично, – и удивительно ль, Что фея белая больным желанна?* (И. Северянин); *Неужели это день? Он белей больных рубах* (С. Петров); *Над белой болью неба без возврата Смолкает шум мучений городских* (Б. Поплавский); *Дай не белую боль состраданья, Дай мне черные слезы любви!* (С. Липкин).

Отметим и еще один случай сближения *боли* и *белого* в поэтическом идиолекте, наиболее близком Б. Ахмадулиной: *И тогда, побелев от боли, Прошептала: «Уйду с тобой»*(А. Ахматова, «Похороны» [Ахматова, 1990, с. 32–33]), где *белизна боли* мотивирована «знанием о мире» (от *боли* лицо становится *белым*, то есть *бледным*, *обескровленным*) и «языковой памятью» (*белый как смерть*). И подчеркнем важность того, что укорененность определенных ассоциаций в языковом сознании позволяет рассматривать выделенные речевыми «жестами» объекты поэтического мира в

определенных ракурсах, объединяя их в классы по одним и тем же признакам: *белизна*, присущая *больнице* и *зиме*, позволяет отождествить последние и по признаку *боли*, сопутствующей *белизне* и *болезни*.

В следующем примере из «Воскресенье настало...» Б. Ахмадулиной звуковой «жест» вызывает в воображении интерпретатора «картинку»: *Это только снаружи больница скушна, непреклонна. А внутри – очень много событий, занятий и чувств. И больные гуляют, держась за перила балкона* [Ахмадулина, 1988, с. 377] – *больница*, *больные*, *балкон* здесь как детали «пазла». *Больница* и *больные*, *больница* и *балкон* связаны метонимически. Но в первом случае это однокоренные, а во втором – разнокорневые (соотносимые квазиморфами БЛН – БЛКН) аттрактанты, подчеркивающие соположение двух миров: *балкон* – это ‘выступающая из стены здания площадка с перилами, сообщающаяся с внутренним помещением’, «по определению» занимающая промежуточное, переходное от внутреннего к внешнему, положение, и такое же положение в ряду аттрактантов занимают *больные*. Что полностью согласуется с тем, что «болезнь» у Ахмадулиной – это пограничное состояние между двумя мирами» [Михайлова, 2004, с. 60], но между не жизнью и смертью, а творчеством и реальностью.

Особую роль в построении импликатур играет имплицитная ПА. В этом случае ПА сближается с каламбуром и анаграммой.

Суть паронимического каламбура заключается в значимом опущении одного из аттрактантов (как правило, входящего в идиоматическое сочетание из общего фонда знаний) и подстановке вместо него другого слова, по своей звуковой форме сходного с имплицитным. При этом могут эксплуатироваться семантические различия однокоренных слов: *В спорах вырождается истина* (ср. с устойчивым: *В спорах рождается истина*); сходство звучания разнокорневых слов, не имеющих ничего общего в значении: *Пожужем – увидим* (ср. с устойчивым: *Поживем – увидим*); диахроническое родство слов и словосочетаний, утративших в синхронии общность: *Он натура непосредственная* (ср.: *Он не по средствам живет*); ложная этимология: *Я уже отчаялся* (ср. *Я уже чая напился и больше не хочу*).

Паронимические каламбуры используются и в поэзии. Так, например, имплицитная ПА становится конструктивным принципом некоторых заглавий поэтических книг: «*Папа раций*» (В. Бауэр), «*Синьяк под глазом*» (В. Бахчинян), «*Хихимора*» (Н. Глазков), «*Венок Советов*» (И. Иогансон), «*Аномализм*» (П. Витухновская), «*Над пропастью во лжи*» (Е. Вир) и т.п. Эффект, возникающий при паронимическом каламбуре, не только комический. А. Штыпель, например, называя свою поэму «Во весь *логос*», не только шутит, но и создает аллюзию к эстетике Маяковского и его поэме «Во весь *голос*» и вводит в заглавие ключевое слово, превращающееся в «отмычку» к тексту (и «ключ» к имплицитуре: разные *голоса*, звучащие в поэме, суть проявления *логоса*). Кроме того, поэма «Во весь *логос*» в его книге стихов соседствует со «*Стихами для голоса*», а это позволяет эксплицитировать имплицитные паронимические связи.

Другой прием, сближающийся с имплицитной паронимической аттракцией – это анаграмма [Берестнев, 2016], основанная, в частности, на перестановке букв определенного слова и представляющая его в ином облике. В некоторых случаях это

слово (как правило, ключевое) само в тексте не присутствует и представлено только в зашифрованном виде, в других явно даны пары слов, анаграммирующие друг друга: *апельсин – спаниель, вертикаль – кильватер, старорежимность – нерасторжимость, покраснение – пенсионерка, ватерполистка – австралопитек, равновесие – своенравие, стационар – соратница* и т. п. В первом случае анаграмма сближается с ПА, основанной на использовании кодирующих сегментов (по Ю.Н. Караулову, план выражения сегмента, призванного быть идентификатором слова, тождественен плану его содержания [Караулов, 1980, с. 11]); во втором – создает паронимическое напряжение, превращающееся в аттракцию в соответствующем контексте.

Яркий пример анаграммирования с помощью имплицитной ПА – отрывок из «Золотистого меду струя из бутылки текла...» О. Мандельштама [Мандельштам, 2017, с. 124]:

Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена,
– Не Елена – другая – как долго она вышивала!

<...>

Золотое руно, где же ты, золотое руно?

Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

Как представляется, чистая анаграмма первого типа (рассеянное представление имени героини) представлена только во фрагменте *Помнишь... не Елена: Пенелопа*, чье имя-ответ закодировано в этом риторическом вопросе, является самой известной после красавицы *Елены* древней гречанкой (именно о ней вспоминают девять из десяти респондентов, отвечая на вопрос: «Если *не Елена*, то кто?»). На то, что речь идет о *Пенелопе*, указывают и аллюзии к мифу: *в греческом доме<...> любимая всеми жена* (а Пенелопу, любимую жену Одиссея, как известно, во время его отсутствия осаждали женихи), *<...>долго она вышивала* (в оригинале – ткала и распускала сотканное, но *вышивание* позволяет ввести образ *узоров – своеобразных знаков*, а не только *нитей судьбы*) *<...>Одиссей возвратился*. Эти прямые указания также создают семантическое поле, облегчающее дешифровку анаграммы.

Но проведем эксперимент: «забудем» текст и выпишем из него только те слова, которые связаны ПА (соотнесением консонантных квазиоснов ПЛТН – ПЛН – ПЛВН): *полотно* (его, заметим, *натрудил в морях корабль*, а не соткали руки гречанки), *полный* и **плавание* (этот потенциальный аттрактант имплицитно упоминается о *корабле* и о том, что *всю дорогу шумели морские тяжелые волны*, а также аллюзией к другому морскому путешествию, к кораблю «Арго», плывшему за *Золотым Руном*). Контекст, делающий осмысленным их сближение, реконструировать легко: прилагательное *полный* в своем значении имеет семы ‘цельность’, ‘завершенность’, аттракция акцентирует их, приписывая значение завершенности как *полотну*, так и *плаванию*. Значит, можно предположить, что *полотно* и *плавание* были завершены одновременно. Добавив анаграмму *Помнишь... не Елена*, проанализируем совпадение

согласных: *п(м)н... нлн – пл(т)н – пл(в)н – плн*, – комплекс, повторяющийся во всех аттрактантах, представляет собой консонантную «свертку» зашифрованного имени. Догадаться, какого именно, можно, составив уравнение: *Помнишь... Не Елена = (полотно + плавание) x полнота* 'завершенность'. Эти ключевые слова активизируют фоновые знания о том, что именно *Пенелопа* ткала и распускала полотно в ожидании возвращения из плавания своего мужа.

Как видим, дешифровку с помощью импликатур можно осуществить имманентно, не выходя за рамки ПА. Однако в тексте присутствуют и другие указания, которые, позволяя привлечь фоновые знания, способны сыграть роль «прагматической инструкции». Так, само упоминание об Одиссее вызывает в памяти представление о нем как о *хитроумном ораторе* (именно эти его качества мифологизируются), а это позволяет предположить, что мысль будет изречена особым, «хитрым» образом. Отсылка к Елене необходима для того, чтобы помочь читателю вспомнить о подвигах Одиссея у стен Трои: он не только привел к Трое 12 кораблей (еще одно его *плавание*), но и придумал *Троянского коня* (и сам потом был внутри), а это уже подразумевает, что и в тексте будет сокрыто что-то очень важное, что необходимо обнаружить, чтобы не «проиграть».

Таким образом, речь уже может идти о коммуникативной импликатуре, подразумевающей и экспликацию имплицитных паронимических связей.

Результаты исследования и выводы. Приведенный анализ подтверждает роль звуко-смысловых корреляций при ПА в формировании импликатур поэтического текста. Актуализируя объекты и ситуации в пространстве означающих и одновременно в текстовом релевантном денотативном пространстве, они активизируют общие «знания о мире и языке», помогая автору и адресату стать «говорящими об одном и одно и то же». Имплицитное знание восстанавливается по сигналам «звуковой» и «смысловой» памяти словесных знаков, а встречающиеся в тексте нестандартные объекты поэтической реальности идентифицируются по компонентам значений стандартных языковых знаков, избранных для их номинации.

ПА формирует импликатуры актуализации, выделяя объект или ситуацию в мире текста (« $X_1, X_2, X_3...$ воспринимаю непосредственно и узнаю, то есть знаю, что это такое и что с этим обычно связано»), в том числе вместе с их отличительным признаком («Об X говорит признак $У$ как неотторжимое свойство X »), импликатуры семантического вывода (« $X_1, X_2, X_3...$ объединяет признак $У$, и все, что имеет признак $У$, может быть отнесено к классу X »), импликатуры подтекста (характерные для каламбуров и анаграмм, в первом случае связанные с обманутым ожиданием, характерным для иронии: «Сказано X , но имеется в виду $X_1/У$ », во втором – с разгадкой загадки: «Сказано X , чтобы я понял, что речь об X_1 , похожем на X признаком $У$ »). При этом возникающие коммуникативные импликатуры действительно основываются на конвенциональных, базирующихся на «общем знании».

Литература

- Барт, Р. (1989). *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс.
- Берестнев, Г. (2016). Аспекты функциональности анаграмм в российской поэзии. *Слово.ру. Балтийский акцент*, 1, 7–26.
- Василишина, Е. Н. (2013). Креация новых смыслов в процессе восприятия имплицитных элементов художественного дискурса. *Вестник СамГУ*, 5, 39–43.
- Гаспаров, Б. М. (1996). *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Грайс, Г. П. (1985). Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Москва: Прогресс, 217–237.
- Григорьев, В. П. (1979). *Поэтика слова*. Москва: Наука.
- Григорьев, В. П., Кожевникова, Н. А., Петрова, З. Ю. (1992). *Материалы к словарю паронимов русского языка*. Москва: ИРЯ РАН.
- Иванов, С. С. (2010). *Лингвистический статус и функциональные возможности паронимии в системе современного английского языка*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород.
- Иссерс, О. С. (2008). *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. М.: URSS-ЛКИ.
- Кадимов, Р. Г. (1989). Об одном приеме семантического осложнения поэтического текста. *Язык русской поэзии XX века*. Москва: Наука, 128–137.
- Кадимов, Р. Г. (2014). Об историографии паронимической аттракции. *Евразийский Союз Ученых*, 7–8, 46–48.
- Караулов, Ю. Н., Молчанов В. А., Афанасьев В. А., Михайлев Н. В. (1982). *Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову*. Москва: Наука.
- Кубрякова, Е. С. (2004). *Язык и знание*. Москва: Языки славянской культуры.
- Малафеев, А. Ю. (2013). Лингвокогнитивный анализ поэтического текста: трудности и перспективы. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 6(2), 140–144.
- Маслова, Ж. Н. (2010). Поэтический текст как объект исследования в рамках когнитивного подхода. *Социально-экономические явления и процессы*, 5, 174–182.
- Михайлова, М. С. (2004). «Больничный» текст в лирике Беллы Ахмадулиной 80–90-х гг. *Культура и текст*, 7, 60–71.
- Северская, О. И. (2022). Денотативный и сингнификативный компоненты паронимической аттракции. *Верхневолжский филологический вестник*, 2(29), 89–98. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-89-98.

References

- Barth, R. (1989). *Selected works: Semiotics. Poetics: translated from French*. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
- Berestnev, G. (2016). Aspects of the functionality of anagrams in Russian poetry. *Slovo.ru: Baltic accent*, 7(1), 7–26. (In Russian).
- Gasparov, B. M. (1996). *Language, memory, image: linguistics of linguistic existence*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ. (In Russian).
- Gauthier, M. (1973). *Les équations du langage poétique. Thèse du Docteur d'Etat*. Lille. Ed. Univ. de Lille. (In French).
- Grice, G. P. (1985). *Logic and speech communication. New in foreign linguistics*. Issue 16: Linguistic Pragmatics. Moscow: Progress Publ., 217–237. (In Russian).
- Grigoriev, V. P. (1979). *Poetics of the word: based on the material of Russian Soviet poetry*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Grigoriev, V. P., Kozhevnikova, N. A., Petrova, Z. Yu. (1992). *Materials for the dictionary of paronyms of the Russian language*. Moscow: The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Issers, O. S. (2008). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. 5th ed. Moscow: URSS-LKI Publ. (In Russian).
- Ivanov, S. S. (2010). *Linguistic status and functional capabilities of paronymy in the system of modern English: diss. (abstract) ... cand. philol. sciences*. The Linguistics University of Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod. (In Russian).
- Kadimov, R. G. (1989). On one method of semantic complication of a poetic text. *The language of Russian poetry of the twentieth century*. Moscow: Nauka Publ., 128–137. (In Russian).
- Kadimov, R. G. (2014). About the historiography of the paronymic attraction. *Eurasian Union of Scientists*, 7–8, 46–48. (In Russian).
- Karaulov Yu. N., Molchanov V. I., Afanasyev V. A., Mikhalev N. V. (1982). *Russian Semantic Dictionary: experience of automatic thesaurus construction: from concept to word*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. Retrieved from https://drive.google.com/file/d/0B3S-kpls80DCQzFFbzH2cnVzemM/view?pli=1&resourcekey=0-3X_MG_DjDDySw2AQd8YtyA. (In Russian).
- Loewenberg, J. (1975). Identifying metaphors. *Foundations of Language*, 12(3), 315–338.
- Lukashanec, A. G. (2018). The Explicit and Implicit in the Sociolectal Nomination. *The Explicit and the Implicit in Language and Speech*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 179–189.
- Malafeev, A. Yu. (2013). Linguocognitive analysis of a poetic text: difficulties and prospects. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 6(2), 140–144. (In Russian).
- Maslova, J. N. (2010). Poetic text as an object of research within the cognitive approach. *Social-Economic Phenomena and Processes*, 5(21), 174–182. (In Russian).

Смерчинская, А. А. (2020). Роль инференции имплицатур в речемыслительной деятельности. *Научные исследования и инновации, 1*, 132–136.

Устинова, Т. В. (2015). Роль контекста в неконвенциональном смыслообразовании: случай читательской рецепции креатива поэта. *Наука о человеке: гуманитарные исследования, 4*, 76–83.

Gauthier, M. (1973). *Les équations du langage poétique*. Thèse du Docteur d'Etat. Lille. Ed. Univ. de Lille. (In French).

Loewenberg, J. (1975). Identifying metaphors. *Foundations of Language, 12*(3), 315–338.

Lukashanec, A. G. (2018). The Explicit and Implicit in the Sociolectal Nomination. *The Explicit and the Implicit in Language and Speech*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 179–189.

Priestly, T. (2013). One idiosyncratic strategy in the acquisition of phonology. *The Emergence of Phonology: Whole-word Approaches and Cross-linguistic Evidence*. Cambridge: Cambridge University Press, 217–237.

Valesio, P. (1974). Paronomasia and the articulation of phonological rules. *Proceedings of the XI Int. congress of linguists* Bologna: IIMilano, 1006–1016.

Mikhailova, M. S. (2004). The "hospital" text in the lyrics of Bella Akhmadulina of the 80–90s. *Culture and text, 7*, 60–71. (In Russian).

Priestly, T. (2013). One idiosyncratic strategy in the acquisition of phonology. *The Emergence of Phonology: Whole-word Approaches and Cross-linguistic Evidence*. Cambridge: Cambridge University Press, 217–237.

Severskaya, O. I. (2022). Denotative and significative components of a paronymic attraction. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin, 2*(29), 89–98. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-89-98. (In Russian).

Smerchinskaya, A. A. (2020). The role of inference of implicatures in speech-thinking activity. *Scientific research and innovation: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Saratov, December 14, 2020*. Scientific Public Organization "Digital Science". Saratov, 132–136. (In Russian).

Ustinova, T. V. (2015). The role of context in nonconventional meaning-making: the case of the reader's reception of the poet's createm. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities, 4*(22), 76–83. (In Russian).

Valesio, P. (1974). Paronomasia and the articulation of phonological rules. *Proceedings of the XI Int. congress of linguists* Bologna: IIMilano, 1006–1016.

Vasilishina, E. N. (2013). Cremation of new meanings in the process of perception of implicit elements of artistic discourse. *Vestnik of Samara State University, 5*(106), 39–43. (In Russian).

Источники

Ахмадулина, Б. (1988). *Избранное: Стихи*. Москва: Советский писатель.

Ахматова, А. (1990). *Сочинения в двух томах, т. 1*. Москва: Панорама.

Мандельштам, О. (2017). *Собрание стихотворений. 1906–1937*. Москва: Рутения.

Пастернак, Б. (1990). *Стихотворения и поэмы*. Москва: Художественная литература.

Sources

Akhmadulina, B. (1988). *Favorites: Poems*. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ. Retrieved from: https://imwerden.de/pdf/akhmadulina_izbrannoe_1988__ocr.pdf. (In Russian).

Akhmatova, A. (1990). *Essays*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Panorama Publ. Retrieved from: <https://fantlab.ru/edition255247> (In Russian).

Mandelstam, O. (2017). *Collection of poems, 1906–1937*. Moscow: Ruthenia. (In Russian).

Pasternak, B. (1990). *Poems*. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Северская, О. И. (2023). Роль звуко-смысловых соответствий в формировании имплицатур поэтического текста. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал, 3*(8), 23–33. DOI: 10.34680/VERBA-2023-3(8)-23-33

For citation:

Severskaya, O. I. (2023). The role of phonosemantic correspondences in the formation of the implicatures of a poetic text. *VERBA. North-West linguistic journal, 3*(8), 23–33. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-3(8)-23-33